

«ИСЧЕЗАЮЩЕЕ МЕТРО» И «ПЕРЕКРЕСТКИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ» В СТИХОТВОРЕНИЯХ МАГАДАНСКИХ ПОЭТОВ

Гарипов Арсений Алексеевич

магистрант

Крашенинников Андрей Евгеньевич

к.филол.н.

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный
государственный университет»

Аннотация: в данной статье рассматривается образная и символическая структура метрополитена, вокзалов и поездов в поэзии магаданских поэтов. Выдвигается гипотеза, что железнодорожные структуры, незнакомые коренным магаданцам, становятся в их творчестве агентами движущей силы жизни, судьбы и смерти.

Ключевые слова: поэзия, Магадан, метро, перестройка, Москва, литература.

«DISAPPEARING METRO» AND «RAILWAY CROSSROADS» IN THE VERSES OF MAGADAN POETS

Garipov Arseny Alekseevich

Krasheninnikov Andrey Yevgenyevich

Abstract: in the following article the imagery and symbolism of metropolitan, railway stations and trains in the poetry of the magadan writers are studied. A hypothesis of railway structures becoming the agents of a moving force of life, death and fate is made.

Key words: poetry, Magadan, metro/subway, perestroika, Moscow, literature.

Несомненно, поезда, вокзалы и метро – образы крайне яркие и используются в поэзии весьма широко. Они – пункты секундных встреч и расставаний с сотнями внезапно возникающих и тут же исчезающих незнакомцев. Также они – места пребывания *между*, отправные точки между

царствами жизни и смерти. Поезд часто становится местом действия рассказов и новелл («Москва-Петушки», «Крейцера соната»). Метро же зачастую становится личным поэтическим образом писателей-современников.

Само по себе метро, особенно московское, – крайне любопытное явление. Это – скопление огромного массива людей, подземный город, храм, точка телепортации. Стоит ли удивляться, что перед незамысленным взглядом стороннего человека (то, что литературовед Виктор Шкловский называл «остранением»), живущего вдали от современной цивилизации, оно предстаёт во всей красе: скоплением несущихся куда-то железных червей и будто подчинённых массовому психозу хмурых москвичей. Этот взгляд зачастую может уловить то, что выросшие в Москве люди попросту не замечают.

В данной работе мы рассмотрим несколько примеров того, как и символами чего предстает метро в стихотворениях магаданских поэтов.

У Анатолия Пчёлкина (1939-2002) в перестроечном сборнике «Непогодь» метро выступает в довольно популярной роли пристанища депрессивной фразы «Выхода нет» [6, с. 8]. Стихотворение так и называется: «Страна-метро». «Взвизгнет нервный: “Скажите, вы хоть, // Где же выход?!” Скривлюсь хитро: // – Нету выхода. Вот он – выход: // «НЕТУ ВЫХОДА». // Как в метро». Следует отметить сложную авторскую пунктуацию и композицию строфы, а также то, что она несколько фальшивит (возможно, из-за ремарок). Как бы то ни было, образ метро в стихотворении тождественен образу безвыходного каземата. Пчелкин сетует на эпоху, вполне в духе «Непогоды».

В творчестве поэта Надежды Бобко поезда и вокзалы – один из лирических лейтмотивов. Сначала метро/вокзал выступают как символ движения: «Я вышла из вагона // На станции “Весна”» [1, с. 14]. И здесь же: «Вокзал рекой строптивой // Бежал по плитам дня». Пребывание в поезде – нахождение *между*, путешественник временно пребывает в *нигде*. Выход в «Весну» – прибытие, причем в весьма отягченное символическим полем время года. Вокзал ликует, служит двигательной силой. Но буквально на следующей странице, в стихотворении «От разлуки до разлуки...» мы находим другую вокзальную сцену; на этот раз – расставания. Вокзал моментально преобразается, становится «суетливым», а автор восклицает: «как тоскливы поезда!». В стихотворении «Май» поезда становятся «грозными», они «мчатся» в неизведанное (сцена, кстати, ночная). Далее, в стихотворении «Ты на свалке двадцать первого...» мы читаем: «Обнимаешь копоть сальную // На

вокзалах и в метро. // Золотого бы, сусального // Да в нутро». Становится ясно, что у Бобко поезда и всё, с ними связанное, становятся агентами, а зачастую и воплощениями *мирского/профанного* (отметим, что ее творчество не лишено христианских мотивов), и в данном случае противопоставляется *духовному/сакральному*. Говоря проще, поезда – это воплощенная жизнь. Как жизнь неразрывно связана со смертью, так и поезда связаны с разлукой, которую Бобко настойчиво ассоциирует со смертью. В стихотворении «Перрон» («Вокзал это смерть»), «От разлуки до разлуки...» («Есть в разлуке бесконечность. // Она – жизнь. Она и смерть») и т.д.

В поэзии Елены Гоголевой (нуждающейся, к слову, в гораздо более детальном анализе, и которую можно было бы кратко охарактеризовать как «филологический софтор») метро упоминается лишь однажды, в заголовке стихотворения «Иду мимо Зачатьевского к метро» [2, с. 51]. Стихотворение – о плачущем ветре, ломающем «опустевшие ветви» лирического героя. Любопытно, что о метро в стихотворении не сказано ни слова – оно лишь вынесено в заголовок. Метро выступает как нечто связанное с жестокими порывами и завываниями ветра. Действительно, появление *искусственного* ветра, предшествующего прибытию поезда в основе своей весьма замечательно. Впрочем, вполне возможно, что метро в заголовок вынесено по совершенно другим соображениям – как обозначение чего-то максимально обыденного и повседневного, но сопутствующего *ангсту* лирического героя.

У раннего, ещё магаданского Евгения Крашенинникова метро встречается в стихотворении «Грёзы» [3, с. 36]. Лирический герой дремлет в вагоне метро, и связан с реальностью лишь голосом объявлений: «Эвкалипт колышет мягко ветками, // Принакрыв бруснику у ручья... // “Следующая станция – Медведково!” // Следующая станция моя». Стихотворение настолько по-хорошему простое, что заниматься его вивисекцией рука не поднимается. Впрочем, любопытна концовка: «Улеглись под соснами бизоны, // Нежится под баобабом слон... // “Просьба всем освободить вагоны!” // Что ж, освобождаю я вагон». Это «что ж» невольно интригует, создаёт ощущение, что в стихотворении есть двойное, пусть и не слишком обширное дно. Впрочем, голос в метро иногда предстает авторитарным монологом, в данном случае – вырывающем героя из приятных, абстрактных грёз, опять-таки, в реальный мир *профанного*.

У Дмитрия Масленникова (1969-2017) с поездами связана забавная история. Как-то во времена буйной молодости он, не помня себя, попал на

поезд и очнулся в случайном городе, с которым был связан ровным образом никак. Немудрено, что поезд для него – символ бессмысленной воли судьбы, он едет в нём как в «кошмаре естества», в нем существует между сном и явью, грезя полунаяву о случайной попутчице [4, с. 13]. Но метро предстаёт апофеозом экзистенциального ужаса. Стихотворение «В ожидании света и жизни иной...»: в копилку к многострадальной «выхода нет» мы снова встречаем приказной, «гудящий» над головой голос и запретительные надписи. В стихотворении «Я в метро...» сам стук колес становится издевательской, враждебной герою силой: «Я в метро... От колес как отрыжка: // “Рижская”...», «Я в метро... И колеса хихикают гадко: // “Тургеневская... Пересадка...”» [5, с. 16]. Стоит отметить мастерски срифмованные названия станций, что удавалось далеко не каждому поэту. В стихотворении «Моя жизнь – стометровка в метро...» мы находим: «Из тоннелей прогорклая роза ветров // Дыханёт менструальной прокладкой» [4, с. 17]. Речь идёт о том самом искусственном ветре, пахнущем железом и резиной. И далее: «Чувство локтя, усадка бедро о бедро, // Громыханье притёртых вагонов. // Моя жизнь – стометровка в метро. // Пересадки и перегоны» [5, с. 17]. Метро выступает как клаустрофобное пространство, отождествлённое с несвободной, вынужденно-коллективной жизнью в постсоветском мегаполисе, одновременно – в глобальной деревне. Масленников зачастую антагонизирует Москве, выступая в роли «провинциала» – и метро для него становится воплощением Москвы, ее внутренностями.

Если в стихах Масленникова мы находим квинтэссенцию выдвинутых нами теорий, то стихотворение Анастасии Якубек «К толстым девочкам не прилетает фея...» (которое само по себе – замечательный реквием по некоему личному Магадану лирического героя) даёт короткий и лаконичный ответ на вопрос «почему?» Почему метро, поезда неизменно возникают в стихотворениях магаданских авторов? Якубек пишет просто: «тут нет вокзалов» [7, с. 33]. Самолеты – отдельная песня, и очень часто магаданцам приходится объяснять жителям центральных районов, что железной дороги в области нет. Идея наземного транспорта на дальние расстояния для магаданцев – экзотика. Отчасти поэтому поезда, вагоны и метро, и так богатые символическим и человеческим багажом, становятся героями магаданской лирики.

Напоследок мы бы хотели наметить очень тонкую и сложную тему: особенность магаданского восприятия *здесь* и *там*. Живя в условной Гиперборее, бесконечно отождествляя себя с бродсковской «провинцией у моря», проводя по 8 часов *между* – что чувствует магаданец, наконец оказавшись *там*? На наш взгляд, поэт-магаданец совершенно иначе видит тривиальный транспорт; он для него – аналог лодки Харона. Именно поэтому мы ещё не раз увидим поезда, метро, самолеты, расставания и встречи в поэзии магаданских авторов; всё это – необходимые регалии населения условного Аида, ежегодно проживающих неутешительные сценарии Орфеев, Эвридик, Персефон и Дажьбогов.

Список литературы

1. Бобко Н. Безмилие. – Магадан: Охотник, 2018. – 148 с.
2. Гоголева Е. В сознании минутной силы. – Магадан: Кордис, 2006. – 84 с.
3. Крашенинников Е. Подмозговье. – Магадан: Общество ветеранов броуновского движения, 2000. – 64 с.
4. Масленников Д. Пятое время года. – Уфа: Вагант, 2009. – 84 с.
5. Масленников Д. Тысячи и одна. – Уфа: Вагант, 2007. – 128 с.
6. Пчёлкин А. Непогодь. – Магадан: Маобти, 2000. – 96 с.
7. Якубек А. Небуквально. – Магадан: Охотник, 2016. – 94 с.

© А.А. Гарипов, А.Е. Крашенинников